

Das ist der edel Ritter·Marco polo von
Venedig der groß landfarter· der uns vrschreibt die grossen wunder der welt
wie zu dem vorderegag der künne· der geschic von nicht meer gehort seyn

die er selir gesehen hat· von dem außgang

CY APRÈS COMMENCE LE LIURE DE MESSIRE MARC PAULE
DES DIUERSES ET GRANDISMES MERUEILLES DU MONDE¹.

«Подойдите сюда, великие принцы! Подойдите ближе, императоры и короли, герцоги и маркизы, рыцари и буржуа! Подойдите ко мне, люди всех званий, те, кто хочет увидеть разные обличья человечества и познать разнообразие мира! Возьмите эту книгу и прочтите ее или попросите, чтобы ее вам прочли. Заверю вас, вы познаете великие чудеса и самые удивительные редкости...»²

Ах, Луиджи, Луиджи! Когда я перечитываю эти старые истрепанные страницы, мне снова слышится твой голос.

Много лет прошло с тех пор, когда я в последний раз заглядывал в нашу книгу. Получив твое письмо, я обратился к ней еще раз. Читая нашу книгу, я снова улыбаюсь и восхищаюсь одновременно. Она приводит меня в восторг, потому что я опять становлюсь знаменитым, хотя едва ли заслуживаю этой славы; улыбаюсь же я потому, что книга сия делает меня печально известным. Ты говоришь, что хочешь написать еще одну, сочинить эпическую поэму о том времени, в которую снова, если только я дам на то свое согласие, войдут путешествия Марко Поло, и что они станут ее основой, если только я позволю тебе свободно обращаться с неким вымышленным героем.

В мыслях своих я вновь возвращаюсь к той нашей первой встрече под сводом палатки в Генуе, куда поместили нас, узников войны. Я помню, как ты робко подошел ко мне и, смущаясь, произнес:

— Мессир Марко, я Луиджи Рустичелло, бывший гражданин Пизы, меня заточили сюда задолго до вашего прибытия. Я слышал ту потешную историю об индусе, хмыкавшем в священной пещере. Вы излагаете ее уже в третий раз. В первый раз вы рассказывали свою историю заключенным, затем надзирателю и, наконец, лекарю из Братства Иисуса.

¹ Итак, начинается история великих и удивительных странствий мессира Марко Поло по всему миру (*ит.-фр.*).

² Этими словами начинаются впервые изданные в 1298 г. путевые заметки Марко Поло — его «Книга о разнообразии мира».

Я спросил:

— Вы утомились слушать ее, мессир?

А ты ответил:

— Все нет, мессир, но вы сами скоро утомитесь рассказывать ее. Слишком многие узники хотят послушать эту сказку — и те, кому уже доводилось ее слышать, и те, кому вы еще не успели ее изложить. Рано или поздно, мессир, вам окончательно надоест вновь и вновь излагать сии истории, так почему бы вам просто не поведать мне обо всех ваших путешествиях и приключениях? Сделайте это и позвольте мне записать ваш рассказ. Я умелый и опытный писатель. Из ваших историй может получиться замечательная книга, мессир Марко, и многие люди смогут сами прочесть ее.

Все произошло так, как ты и предсказывал. Хотя множество путешественников до меня описывали свои странствия, ни одна из книг не заслужила столь мгновенной и длительной популярности, как наша «Книга о разнообразии мира». Возможно, Луиджи, это случилось благодаря тому, что ты записал мои рассказы по-французски, на самом распространенном языке Запада. А может, все дело в том, что твои записи оказались лучше моих рассказов. Так или иначе, к моему удивлению, нашу книгу стали читать, обсуждать и стремиться приобрести. Ее переписывали вновь и вновь, к настоящему времени она переведена уже на все христианские языки и повсюду распространились ее версии и многочисленные копии. Однако ни в одной из них нет истории про того измученного индуса, непочтительно хмыкавшего в священной пещере.

Помнишь, как мы сидели в той холодной генуэзской тюрьме: я предавался воспоминаниям, а ты подбирал для них правильные слова — и как мы решили, что именно этими словами мои истории и надо рассказывать. Ты был признанным рассказчиком, а я незаурядным путешественником. Ты был Луиджи Рустичелло из Пизы, а я — Марко Поло из Венеции. Ты был ценителем изящной словесности и фантазером, известным благодаря своим сказкам о временах рыцарства — Тристан и Изольда, Ланселот и Джиневра, Амис и Амильон. Я же был таким, каким ты описал меня в своей книге, представителем благородного рода, «*sajes et nobles citaiens de Venese*» — знатным гражданином Венеции. Мы договорились, что в нашу книгу войдут только те мои приключения и наблюдения, которые мы сможем напечатать, не испытывая стыда и угрызений совести, чтение коих не нанесет обид чувствам христиан, девственниц и монахинь.

Более того, мы решили убрать из книги все, что может поколебать доверие читателей, которые предпочитают всю свою жизнь оставаться дома. Припоминаю, как мы с тобой даже поспорили о том, стоит ли включать в нее мое первое знакомство с камнем, который горит, и с тканью, коя, напротив, горению не подвержена. И в результате большая часть особенно интересных случаев, произошедших со мной во время путешествий, была, если так можно выразиться, откинута на обочину дорог, по которым я скитался. Мы убрали из книги нашей все

самое скандальное, непристойное и невероятное. Однако теперь ты говоришь мне, что собираешься восполнить сии пробелы, причем сделать это так, дабы не бросить тень на мое имя.

Итак, твой новый герой будет зваться монсеньором Боудином, а не мессиром Марко, он будет родом из Шербура, а не из Венеции. Во всем же остальном монсеньор Боудин останется мной. Он испытает и вытерпит все, что выпало на мою долю, а также изведает дарованные мне наслаждения — словом, с ним произойдет все то, о чем я молчал до сих пор, если только я освежу память своего доброго друга, вновь поведав тебе те многочисленные истории о давних временах.

Разумеется, сие большой соблазн: как если бы я прожил заново все те дни и ночи, а ведь именно этого я жаждал столь долго. Ты знаешь, всю свою жизнь я хотел побывать на Дальнем Востоке. Хотя нет, откуда тебе знать? Я не говорил об этом даже самым близким людям. Это была заветная мечта, слишком дорогая для меня, чтобы ею с кем-то делиться...

Вообще-то, несколько раз я был близок к тому, чтобы осуществить ее. Но когда меня освободили из генуэзской тюрьмы и я вернулся в Венецию, мне пришлось заняться семейными делами, так что мой отъезд оказался под большим вопросом. А вскоре я встретил Донату и она стала моей женой. Я снова отложил путешествие, а затем родилась дочь. Понятно, что при таких обстоятельствах я не мог уехать, а потом на свет появилась вторая дочь, за ней третья. Все время находились какие-то причины, то одна, то другая, я продолжал колебаться и вдруг однажды понял, что превратился в старика.

В старика! Немыслимо! Когда я заглядываю в нашу книгу, Луиджи, я вижу себя там мальчиком, затем юношей, зрелым мужчиной, и даже в самом конце книги я все еще полон сил и достаточно крепок. Когда же я смотрюсь в зеркало, то вижу в нем пожилого незнакомца: согбенного и высохшего, всего в старческих пятнах, покрытого ржавым налетом прожитых шестидесяти пяти лет. Я бормочу: «*Этот старик не сможет снова отправиться в путешествие*», — после чего понимаю, что этот старик и есть Марко Поло.

Твое письмо пришло как раз в то время, когда я почувствовал, что жизнь прошла. Так что разве я могу упустить возможность и отказаться от твоего предложения поучаствовать в создании новой книги? Будучи теперь больше не в состоянии делать то, что делал когда-то, я могу хотя бы вспомнить об этом, вкусить это, скрываясь под личиной Боудина. Возможно, тебя удивляет, что я так обрадовался сей возможности, как, наверное, удивляет тебя и мое замечание, что прежняя книга принесла мне как незаслуженное признание, так и незаслуженную дурную славу. Постараюсь объяснить.

Я никогда не утверждал, что был первым человеком, который проделал путешествие с Запада в далекую Азию, да и ты нигде в нашей книге об этом не пишешь. Тем не менее, похоже, у большинства читателей создалось именно такое впечатление. А ведь, по крайней мере, среди мо-

их земляков я уж точно не был первым. Достаточно сказать, что мой отец и дядя уже однажды побывали на Востоке и вернулись в Венецию, чтобы в следующий раз взять с собой меня. Более того, будучи на Востоке, я и сам встретил там немало европейцев, начиная с англичан и кончая венграми, которые приехали туда еще до меня и оставались там дольше, чем я.

Однако и они не были первыми: еще до них множество других европейцев прошли по знаменитому Шелковому пути, по которому впоследствии путешествовал и я сам. Испанский раввин Вениамин из Туделы, францисканский монах Джованни дель Карпини, фламандский священник Гильом де Рубрук — так же, как и я, все эти люди опубликовали отчеты о своих путешествиях. Семь или восемь столетий тому назад миссионеры из несторианской христианской церкви проникли в Китай, многие из них работают там и поныне. Еще до возникновения христианства там, должно быть, побывали западные путешественники, которые странствовали по всему Востоку. Известно, что египетские фараоны носили восточные шелка, которые были трижды упомянуты в Ветхом Завете.

Многочисленные слова, описывающие особенности жизни на Востоке, задолго до меня вошли в мой родной язык. Некоторые здания у нас в Венеции украшены, как снаружи, так и внутри, филигранным ажурным орнаментом, который мы переняли от арабов и долго называли арабесками. Убийцы-ассасины получили свое название от персидского слова «гашиш»: это люди, которые под влиянием наркотика совершали убийства по наущению религиозных фанатиков. От индийцев мы научились получать дешевую ткань под названием индиана, в Индии ее именуют ситец. А еще среди моих земляков-венецианцев бытует выражение «*far l'Indiàn*», что означает «глупое поведение».

Нет, я вовсе не был первым, кто побывал на Востоке и вернулся оттуда. А поскольку моя известность основывается на превратном понимании того, кем я был, то, разумеется, она не заслужена. Дурная слава моя заслужена еще меньше: просто поразительно, как широко распространилось мнение о моем бесчестье и лживости. Мы с тобой, Луиджи, поместили в нашу книгу только те рассказы и наблюдения, которые сочли правдоподобными. Здесь, в Венеции, меня в насмешку прозвали Марко Милиони — эпитет, увы, не имеющий отношения к дукатам, но связанный с тем количеством лжи и преувеличений, которое мне приписывают. Сам я не столько обижаюсь, сколько удивляюсь, однако мои жена и дочери страшно сердятся на то, что их называют донна и доминэ Милиони.

Этим и объясняется мое желание надеть маску вымышленного Боудина, ибо я начинаю рассказ обо всем том, о чем не рассказывал прежде. И пусть весь мир, если хочет, думает, что это сплошные выдумки. Пусть лучше люди не верят во все это, чем я буду молчать.

Прежде всего, Луиджи, я хочу сказать тебе вот что. Из обрывка рукописи, который ты прислал мне для образца вместе с письмом, чтобы

я посмотрел, как ты предлагаешь начать историю о Боудине, я увидел, что твой французский значительно улучшился с тех пор, как мы выпустили «Книгу о разнообразии мира». Не обижайся, но сейчас я наберусь смелости и выскажу весьма непривычное для тебя мнение о нашей книге. Видишь ли, ее читатели могут ошибочно подумать, что Марко Поло был человеком зрелого возраста и весьма разумно и осмотрительно вел себя во время долгих путешествий — каким-то образом ему удалось сверху, с небес, разглядеть всю широту нашего мира, указывая сначала на одну, а затем на другую землю и уверенно говоря: «Вот эта отличается от той тем-то и тем-то». Так вот, мне действительно было сорок лет, когда я вернулся домой из своих странствий. Надеюсь, что, многое повидав, я стал более умудренным жизнью человеком, так как в начале своего пути был всего лишь любознательным отроком — невежественным, неопытным и глупым. Так же как и любому другому путешественнику, мне пришлось повидать много земель, однако я судил о них не с позиции сорокалетнего человека. С возрастом, по мере того как я путешествовал, мои представления о мире и его восприятие постепенно менялись. Так что это была своего рода лесть с твоей стороны, Луиджи, — изобразить меня в той давней книге многое повидавшим и все знающим человеком, но твое следующее сочинение только выиграет, если ты как рассказчик будешь придерживаться истины.

Далее я предложил бы, Луиджи, если только ты действительно вознамерился изобразить монсеньора Боудина по образу и подобию Марко Поло, начать описание его карьеры с растроченной понапрасну юности, с рассказа о его отчаянном распутстве и отвратительных манерах.

Наверное, для тебя это станет новостью, но я ведь не просто так уехал тогда из Венеции, я сделал это не потому, что жаждал увидеть новые горизонты. Я покинул родину, потому что был вынужден это сделать, ибо правитель Венеции постановил, что я должен уехать.

Разумеется, я не знаю, Луиджи, насколько тесно ты хочешь переплести историю Боудина с историей моей жизни. Но поскольку ты проишь «рассказать обо всем», то я и начну с самого начала — с того момента, когда меня самого еще не было на свете.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВЕНЕЦИЯ

ГЛАВА 1

Хотя семейство Поло было венецианским, что служило предметом его гордости на протяжении трех столетий, более отдаленные мои предки были родом с другого берега Адриатики. Да, мы происходили из Далмации, и первоначально наша фамилия звучала приблизительно как Павло. И лишь где-то около 1000 года мой далекий предок приплыл в Венецию да так и остался здесь. Он и его потомки, должно быть, быстро приобрели видное положение в Венеции, так как уже в 1094 году некий Доменико Поло стал членом Большого Совета республики, а в следующем столетии его место занял Пьеро Поло.

Наиболее отдаленным предком, о котором я что-либо смутно слышал от родных, был мой дед Андреа. К этому времени каждый мужчина нашего дома Поло получил разрешение добавлять к своему имени «Ене Аса» (венецианский вариант *homo nobilis*, или благородного человека), и к нему обращались «мессир». У нас был фамильный герб, которым мы гордились: три черные птицы с крючковатыми клювами на серебряном поле. Для моих земляков в этом заключалась очевидная игра слов, так как наша геральдическая птица была не кто иной, как отчаянный и предприимчивый ворон, который на венецианском наречии называется «*rola*».

У *nonno*¹ Андреа было трое сыновей: мой дядя Марко, в честь которого я и получил свое имя, мой отец Никколо и еще один мой дядя — Маттео. Чем они занимались, пока были мальчишками, мне неизвестно, но когда братья выросли, старший сын, Марко, стал представителем Торгового дома Поло в Константинополе, в Римской империи, тогда как его братья остались в Венеции, чтобы вести здесь основную часть дел и следить за семейным палаццо. И только после смерти *nonno* Андреа Маттео и Никколо смогли удовлетворить собственную жажду путешествий, отправившись далеко на Восток, туда, где до них не бывал никто из Поло.

¹ Дедушка (*um.*). Здесь и далее следует иметь в виду, что действие романа разворачивается в конце XIII — начале XIV в., а также то, что герои его изъясняются на венецианском наречии, и поэтому язык их отличается от современного классического итальянского языка. (*Примеч. ред.*)

В 1259 году, когда они отплыли из Венеции, мне исполнилось пять лет. Мой отец сказал матери, что они собираются добраться лишь до Константинополя, чтобы навестить там старшего брата, который отсутствовал уже долгое время. Но, как в конце концов этот брат сообщил моей матери, они пробыли с ним недолго, а затем решили отправиться дальше на Восток. Больше мама не получала никаких известий, а спустя год решила, что оба, должно быть, мертвы. Не посчитайте это домыслами брошенной истеричной женщины; подобное предположение было в те времена наиболее вероятным. Ведь именно в 1259 году варвары-монголы покорили большую часть Востока и неумолимо устремились к воротам Константинополя. В то время как все белые люди спасались бегством, не в силах противостоять натиску Золотой Орды, Маттео и Никколо храбро маршировали прямо им навстречу, двигаясь, как выражались сами монголы, прямо в их «перемальвающие челюсти».

Были ли у нас причины считать монголов чудовищами? И так ли уж они в действительности отличались от обычных людей? Монголы превосходили простых людей в умении убивать и физической мощи. При этом из-за своей свирепости и жажды крови они стояли ниже цивилизованных людей. Даже их повседневная пища, как было известно, включала в себя сырое мясо и кислое кобылье молоко. Также рассказывали, что, когда монгольская армия начинает голодать, ее военачальники не колеблясь отдают приказ убить каждого десятого, разрезать несчастных на куски и использовать их в качестве пищи для остальных. Говорили, что кожаные доспехи монголов прикрывают только их грудь, а не спину: так делалось для того, чтобы воин, испугавшись, не мог повернуть назад и бежать от противника. А еще ходили слухи, что якобы монголы полировали свои кожаные доспехи жиром, который получали, вываривая людей. Обо всем этом в Венеции знали; горожане повторяли и пересказывали подобные домыслы, понижая голос от ужаса, — между прочим, некоторые вещи были правдой.

Как я уже говорил, когда мой отец уехал, мне едва исполнилось пять лет, но я уже в полной мере наслушался всех тех дикостей, которые доходили до нас с Востока, и был прекрасно знаком с угрозой: «Вот придут монголы и заберут тебя! Орда забирает таких непослушных ребят-шек!» Все свое детство я слышал это, у нас в Венеции так пугали всех мальчиков: «Вот орда заберет тебя, если ты полностью не съешь свой ужин. Если не пойдешь немедленно спать. Если не высморкаешься». В те времена матери и няньки постоянно упоминали про орду, тогда как раньше непослушным детям они грозили: «Вот придет за тобой орко и заберет тебя!»

Орко — это демон-великан, которого матери и няньки в Венеции испокон веку призывали на помощь, так что им было нетрудно заменить его словом «орда». Монгольская орда, несомненно, представляла собой реальную угрозу, монголы были настоящими чудовищами: нашим женщинам, когда они говорили о них, не было нужды притворяться, в голосе их звучал неподдельный страх. По правде говоря, едва ли

венецианки сами толком понимали значение этого слова, и потому они боялись орды не меньше детей. Скорее всего, название «орда» произошло от монгольского слова «юрта», первоначально означавшего большой шатер военачальника в монгольском лагере. А впоследствии его слегка видоизменили, приспособив на свой манер в европейских языках, чтобы выразить, что же европейцы думают о монголах: те представлялись им марширующей толпой, огромной массой, неудержимой стаей — словом, ордой.

Однако я не слишком долго слышал от матери эту угрозу. Решив, что отец мой наверняка умер, она совсем пала духом и начала слабеть. Когда мне исполнилось семь лет, матушка умерла. У меня сохранилось о ней лишь одно отчетливое воспоминание — о событии, которое произошло за несколько месяцев до ее смерти. Прежде чем слечь и никогда уже больше не подняться, матушка в последний раз рискнула выйти за ворота нашего палаццо, чтобы записать меня в школу. И хотя это произошло давно, еще в прошлом столетии, почти шестьдесят лет тому назад, я очень отчетливо помню тот день.

В то время мы жили в маленьком палаццо на городской *confino*¹ Сан-Феличе. В половине первого мы с матерью вышли из дверей нашего дома на булыжную мостовую улицы, которая тянулась вдоль канала. Наш старый лодочник, черный раб-нубиец Микеле, ожидал хозяев в лодке, пришвартованной к полосатому столбику. Лодка по этому случаю была натерта воском и сияла всеми цветами. Мы с матерью сели в нее и устроились под тентом. По такому случаю я был одет в нарядное платье — тунику из коричневого шелка и, насколько я помню, в чулки с кожаными подошвами.

Старый Микеле повел лодку по узкому каналу Сан-Феличе, выкрикивая что-то вроде: «*Che zentilomo!*» и «*Dasseno, xestu, messer Marco?*» — что означало: «Ну прямо благородный господин!» и «Неужели это и правда вы, мессир Марко?» Столь непривычное восхищение заставило меня ощущать гордость и неловкость одновременно. Микеле не переставал восклицать, пока не свернул в Большой канал, где напряженное передвижение лодок отвлекло его внимание.

Это был один из лучших дней, какие только выдаются в Венеции. Светило солнце, но его лучи были не резкие, а какие-то рассеянные. Не было никакой дымки над морем или берегом, а солнечный свет выглядел слегка тусклым. Казалось, что солнце убавило свою яркость: так сияют свечи в хрустальных подсвечниках. Каждый, кто побывал в Венеции, знает такой свет: как если бы растолкли в порошок жемчуг — бледно-розовые и бледно-голубые жемчужины. Этот порошок такой тонкий, что его частицы висят в воздухе, не застилая свет, а отражая и смягчая его одновременно. Свет льется не только с небес. Он отражается от воды каналов, образует пятна, медальоны, блески жемчужного света, танцующие на стенах из старого дерева и камня, смягчая их грубость и делая волшебными. В тот день свет был нежным, словно цветок персика.

¹ Окрина, пригород (*um.*).

Наша лодка скользнула под мост Риалто на Большом канале — старый низкий понтонный мост со смещенным центром; тогда его еще не переделали в разводной с пролетами. После этого мы проплыли мимо Эрбариа, нашего рынка. Молодые люди после ночи возлияний ранним утром, покачиваясь, шли сюда, чтобы освежить свои головы ароматом цветов, лекарственных растений или фруктов. Затем мы свернули и попали в узкий канал. Немного проплыв по нему, мы пристали к площади Святого Теодора. Вокруг нее располагались городские начальные школы, и в этот час свободное пространство перед ними было заполнено мальчиками всех возрастов, которые играли, бегали и дрались в ожидании, когда начнутся занятия.

Мать представила меня школьному *maistro*¹, вручив ему также все документы, относящиеся к моему рождению и регистрации в *Libro d'Ogo* («Золотой книге») — так в Венецианской республике именовался свод записей обо всех благородных семействах. Оказалось, что на брата Варисто, очень дородного и грозного мужчину в пышном одеянии, мои документы не произвели впечатления. Он посмотрел на них и фыркнул: «*Vrate!*», что было не очень-то вежливым словом, означающим «славянин» или «далматинец». Моя матушка пережила этот удар, как истинно благородная дама. Она тяжело вздохнула и пробормотала:

— *Venezian nato e spua*².

— Возможно, это и венецианское отродье, — прогрохотал монах. — Однако покауда еще не венецианский воспитанник. И не станет им, пока не научится в школе всем премудростям и не познает суровости школьной дисциплины.

Он взял гусиное перо и почесал его кончиком свою блестящую на солнце тонзуру (я подозреваю, что он сделал это для того, чтобы смазать перо), после чего макнул его в чернильницу и открыл огромную книгу.

— Дата конфирмации? — потребовал он. — Когда впервые причастился в церкви?

Моя матушка сообщила ему эти сведения и добавила с некоторой долей надменности, что мне не было позволено, как большинству детей, позабыть катехизис сразу после конфирмации, но что я до сих пор могу прочесть его и Священное Писание и перечислить по памяти заповеди, а также прочесть наизусть «Отче наш». *Maistro* слегка поворчал, но сделал дополнительную запись в своей большой книге. Моя матушка продолжала задавать ему вопросы: о школьной программе, экзаменах, наградах за достижения и наказаниях за нерадивость...

Все матери, впервые приводя своих детей в школу, как я полагаю, испытывают не только определенную гордость, но также в равной степени беспокойство и даже печаль. Ведь они отдают своих сыновей в таинственный мир, куда им самим дорога заказана. Ни одна женщина,

¹ Учитель (*ит.*).

² Он родился в Венеции (*ит.*).

если только она не предназначена в Христовы невесты, никогда не получит и малой толики правильного школьного образования. Таким образом, ее сын, едва научившись писать свое имя, делает огромный скачок вперед, так что родительница уже больше никогда не сможет догнать его.

Брат Варисто терпеливо рассказывал моей матери, что меня обучат правильному использованию родного венецианского наречия, а также французского языка для ведения торговых дел, что я научусь читать, писать и считать, изучу элементарную латынь по «Тиме» Донаделло, освою основы истории и космографии по «Книге об Александре» Каллистена и религию по библейским историям. Однако матушка продолжала упорствовать в своих вопросах, так что монах наконец произнес голосом, полным одновременно сочувствия и раздражения:

— Donna e Madona¹, я всего лишь записываю вашего сына в школу, его же у вас не забирают. Мы будем заточать мальчика только на дневные часы. Все остальное время он будет оставаться с вами.

Я оставался с матушкой до конца ее жизни, но это продолжалось недолго. Впоследствии я уже слышал угрозу: «Вот монголы заберут тебя, если...» только от брата Варисто в школе, а дома — от старой Зулии. Вот эта женщина действительно была славянкой, родившейся где-то в глухом уголке Богемии. Она происходила из крестьянской семьи, и походка у Зулии была, как у прачки, несущей по полному ведру воды в каждой руке. Она была личной служанкой моей матери еще до моего рождения. После смерти матушки Зулия заняла ее место как няня и воспитательница, в связи с чем ее стали почтительно именовать тетушкой. В своем стремлении вырастить меня приличным и ответственным молодым человеком тетушка Зулия не проявляла особой строгости, разве что часто упоминала орду. Должен признаться, что она не добилась большого успеха в достижении той цели, которую сама же перед собой и поставила.

Частично это произошло потому, что мой тезка дядя Марко так и не вернулся в Венецию после исчезновения младших братьев. Его родным домом давно уже стал Константинополь, ему нравилось жить там, хотя в те времена Римская империя и уступала Византии. Поскольку мой другой дядя и отец оставили опытных и преданных служащих вести наше фамильное дело, а родовое палаццо было вверено попечению таких же умелых домашних слуг, дядя Марко предпочел ничего не менять. Только наиболее важные и особо срочные документы отсылались ему с почтовым кораблем, на его рассмотрение и решение. Таким образом в Торговом доме Поло и у нас дома все шло своим чередом.

В целом дела обстояли благополучно, единственным исключением был я сам. Поскольку я являлся последним и единственным наследником рода Поло по мужской линии — по крайней мере, единственным оставшимся в Венеции, — меня всячески холили и лелеяли, и я об этом

¹ Пресвятая Мадонна (*um.*).

знал. Так как я, к счастью, еще не вошел в тот возраст, когда можно самостоятельно управлять делами или домом, я ни перед кем из взрослых пока не нес ни малейшей ответственности. Дома я всегда добивался своего и получал все, что хотел. Ни тетушка Зулия, ни мажордом, старый Аттилио, ни кто-либо другой из немногочисленных слуг не смели поднять на меня не только руку, но даже голос. К катехизису я больше так никогда и не вернулся и скоро забыл все известные мне псалмы. Я начал прогуливать школьные занятия. Когда же брат Варисто, отчаявшись призывать монголов, обратился за помощью к палке с металлическим набалдашником, я просто-напросто бросил школу.

Остается лишь удивляться тому, что я все-таки получил какое-ни-какое приличное образование. Правда, я достаточно долго оставался в школе, чтобы научиться читать, писать и считать, а также говорить на торговом французском. Полагаю, это произошло потому, что я все-таки понимал, что мне понадобятся все эти навыки, когда я вырасту и займусь семейным делом. Я изучал также историю Земли и ее описание, как оно давалось в «Книге об Александре». Я впитал все это по большей части из-за того, что завоевательные походы Александра Великого привели его на Восток. Я представлял себе, как мои отец и дядя бредут по тем же дорогам, что и он. При этом я не думал, что мне в жизни понадобится знание латыни, и в то время, когда весь класс зубрил скучные правила и наставления из «Тімена», интересовался совершенно иными вещами.

Хотя наставники мои громко причитали и предсказывали мне печальный конец, мое упрямство вовсе не означало, что я был злым ребенком. Самым главным и постоянным моим грехом было любопытство, если, конечно, считать его грехом, как это принято на Западе. Нам по традиции предписывалось ладить со своими соседями и ровней. Святая Церковь требовала от нас безоговорочной веры, настаивая, чтобы мы душили в себе все вопросы или убеждения, к которым пришли своим умом. Что же касается практической стороны жизни, то венецианская торговая философия утверждает, что единственная осязаемая истина — это расчеты в самом низу страницы расходной книги, где уравнены дебет и кредит.

Однако что-то во мне восставало против того давления, которое на меня оказывали в детстве школа и обстоятельства. Мне не нравилось жить по правилам, мне не хотелось, чтобы мной управляли расчеты торговцев или строки молитвенника; я был нетерпелив и, видимо, просто не доверял полученной от других мудрости, этим обрывкам информации и призывам, тщательно отобранным и приготовленным, подобно пище, для потребления и усвоения. Мне было больше по душе самому охотиться за знанием, даже если я находил его сырым и неприятным на вкус, а такое случалось часто. Мои стражи и наставники обвиняли меня в отлынивании от тяжелого труда, без которого, по их мнению, было невозможно получить образование. Они и представить себе не могли, что я с самого детства избрал гораздо более долгий и тяжелый путь и что я буду следовать им, куда бы он меня ни завел, всю жизнь.

Так вот, поскольку я тогда бросил школу, но не мог прийти домой и рассказать об этом, то вынужден был праздно шататься во время занятий по городу. Иной раз я забредал и в здание, принадлежавшее Торговому дому Поло. Тогда оно располагалось там же, где и сейчас, на Рива-Ка-де-Дио, примыкающей к берегу эспланаде, которая выходила прямо на Венецианскую лагуну. Со стороны моря эспланаду окаймляли пирсы, между которыми покачивались бортами друг к другу лодки и корабли. Чего здесь только не было — корабли маленьких и средних размеров, лодки с низкой осадкой, принадлежавшие горожанам гондолы, рыбацкие лодки *bragozi* (шкентели), плавающие салоны, называемые *burchielli* (шлюпы). Но особенно часто встречались морские венецианские галеры, которые были пришвартованы вперемешку с английскими и фламандскими *сog* (маленькими рыболовными судами), славянскими *trabacoli* (люгер) и левантийскими *саique* (каиками). Большинство из этих кораблей были такими огромными, что их мачты и бушприты нависали над улицами, отбрасывая ажурную тень на бульжную мостовую, почти на всем протяжении вытянувшись вдоль берега разноцветных фасадов зданий. Одно из этих зданий принадлежало (да и сейчас принадлежит) нашему Торговому дому: похожий на пещеру пакгауз с единственным отгороженным внутри помещением — конторкой служащего.

Мне нравился пакгауз. Он пропах ароматами всех стран, поскольку был забит мешками и коробками, тюками и бочками с товарами со всех концов мира — там было все, начиная с воска варваров и английской шерсти и заканчивая александрийским сахаром и марсельскими сардинами. Работавшие в пакгаузе мускулистые мужчины были увешаны мотками веревки, молотками, рыболовными крючками и другими инструментами. Они всегда были заняты: один мог заворачивать в дерюгу груз изделий из корнуоллской жести, другой прибывал крышку на бочку с прибывшим из Каталонии оливковым маслом, а третий нес на плечах в доки ящик с мылом из Валенсии. Все они постоянно выкрикивали какие-то команды типа «*logo!*» («клади!») или «*сogando!*» («неси!»).

Мне также нравилась и конторка служащего. В этой тесной клетушке сидел человек, который всем здесь и руководил, — старый Исидоро Приули. Без видимых усилий и суеты, имея в своем распоряжении всего одни лишь счета, *maistro* Доро записывал все в свою учетную книгу, охватывавшую все торговые маршруты. Тихонько пощелкивая цветными костяшками счетов, он единым росчерком пера в книге мог отправить в Брюгге амфору красного корсиканского вина, послав в обмен обратно на Корсику моток фламандских кружев: оба этих груза встречались в нашем пакгаузе. Как количество вина, так и длина мотка кружев при этом тщательно замерялись, чтобы Торговый дом Поло не упустил при сделке свою выгоду.

Из-за того, что множество товаров в пакгаузе были легко воспламеняющимися, Исидоро не пользовался ни лампой, ни даже свечкой, чтобы осветить свое рабочее место. Вместо этого высоко на стене у него над головой располагалось большое вогнутое зеркало. Оно вбирало в се-

бя отраженный дневной свет и направляло его вниз, на высокий стол Исидоро: в результате сидевший за ним над своими книгами *maistro* Дорро был похож на маленького сморщенного святого с огромным нимбом. Я любил стоять у края этого стола, восхищаясь тем, что в каждом движении пальца *maistro* заключена такая власть. Ему тоже нравилось рассказывать мне разные вещи о своей работе, которой он так гордился.

— Именно язычники арабы, мой мальчик, дали миру эти округлые знаки, которые называются числами, а эти счеты-абака служат для того, чтобы производить сложение и вычитание. И запомни, что именно Венеция предложила миру подобный метод ведения подсчетов — книги с разграфленными пополам страницами: слева — дебет, справа — кредит.

Я указал на запись слева: «Счет мессира Доменедио» и спросил, для примера, кто этот мессир.

— *Mefè!* — воскликнул *maistro*. — Ты не узнал имени, под которым наш Господь Бог ведет дела?

Он перелистал учетную книгу и открыл передо мной одну страницу, где была чернилами сделана запись: «Во имя Господа и прибыли».

— Мы, простые смертные, можем сами позаботиться о своем добре, когда оно сложено здесь, в пакгаузе, — объяснил *maistro*. — Но когда грузы находятся на ненадежных судах посреди опасного моря, мы вверяем себя милости... кого же еще, как не Бога? Таким образом, мы считаем его своим партнером в каждом предприятии. В наших книгах Богу предназначены две полные доли от каждой рискованной сделки. И если этот риск оправдан, если наше судно благополучно добралось до места назначения и принесло нам ожидаемый доход, почему бы и не внести эти две доли *il conto di Messer Domeneddio*², как и происходит в конце каждого года, когда мы честно делим нашу прибыль, выплачивая его долю. Разумеется, мы делаем это не сами, а через служителей церкви. Во всем христианском мире купцы поступают так.

Если бы все то время, что я прогуливал школу, я проводил в подобных полезных беседах, никто бы не стал выражать недовольство. Возможно, мое образование в конце концов оказалось бы даже гораздо лучше, чем то, которое я мог получить в школе брата Варисто. Однако праздное шатание по побережью неизбежно привело меня к контактам, гораздо менее достойным восхищения, чем общение с Исидоро.

Я совсем не хочу сказать, что Рива относится к тем улицам, на которых обитают бедняки. Она весь день кишела рабочими, моряками и рыбаками, попадалось здесь также и немало хорошо одетых купцов, посредников и других деловых людей, часто в сопровождении их хрупких жен.

А еще эта улица служила местом для прогулок, даже после наступления темноты. Знатные мужчины и женщины приходили сюда, чтобы

¹ Боже мой! (*um.*)

² На счет мессира Доменедио (*um.*).